

природы человека. «Подсознание представляет собою, таким образом, сферу бесконечных возможностей, из которых возникает порок и добродетель, оно есть материя (в греческом смысле), которая может принять прекрасную или безобразную форму. Это *хаос*, древний «родимый хаос», который «шевелится» (Ф. И. Тютчев) под порогом сознательной жизни, с ее рациональными нормами, с ее резонабельной волей: мы видели, что закон есть форма, не умеющая формировать этой материи и вызывающая противоборство этого хаоса» [1. С. 45]. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что моральный выбор современного человека приводит к пониманию добра и зла, если опирается на социальную и культурную идентичность. Ее природа имеет национальные, исторические и ментальные основания, которые можно сформулировать как ориентиры на духовность или бездуховность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1.Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. – М., 1994.
- 2.Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. – М., 1993.
- 3.Садовая Л.В. Этика Б.П. Вышеславцева в контексте нравственных исканий современной культуры. – Брянск: Курсив, 2012.
- 4.Соловьев В.С. Русская идея / В.С. Соловьев. Соч. в 2-х тт. Т 2. – М., 1989.
- 5.Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. – М., 2008.
- 6.Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб., 2001.

УДК 17.0

В. В. СКОРОБОГАЦКИЙ
Екатеринбург, УрИУ
ВОЗМОЖНА ЛИ ЭТИКА ЗЛА?

Статья посвящена проблеме моральной нейтральности этического. Предлагая свою трактовку природы этического, автор определяет условия возможности этики зла.

Криминализация политики, культурный код, «чудовище универсальности», государственная этика

V. V. SKOROBOGATSKY
IF ETHICS OF EVIL POSSIBLE?

The article considers the problem of moral neutrality of the ethical. Having offered his own conception of the nature of the ethical, the author determines the conditions of the possibilities of the ethics of Evil.

Criminalization of the policy, cultural code, “monster of universalism”, state ethics

Сама постановка вопроса кажется чудовищным извращением смысла и сути этического, которое по традиции, идущей от Аристотеля, увязывается с нравственностью, во-первых, и с идеей добра, во-вторых. Но так ли бесспорна и однозначна эта связь? Трагический опыт тоталитарных режимов в XX веке; широкое распространение практики терроризма, порой возводимого в ранг государственной политики, гражданского или религиозного долга; устойчивое воспроизводство неонацизма, неофашизма, ксенофобии, антисемитизма в качестве массовых настроений и повседневных практик – все это заставляет нас заново поставить вопрос о природе этического и о причинах, делающих возможным сочетание этического и зла.

На наш взгляд, формирование в структуре массовой культуры такого идейно-психологического комплекса, как этика зла, идет рука об руку с криминализацией политики. Именно в этом двуедином контексте неизбежна легитимация преступления как инструмента публичной, в первую очередь, государственной политики. Прямо вопрос об этом поставил С. Лем в эссе о культурных смыслах нацистской индустрии планомерного массового уничтожения людей: «вместо лихорадочной дрожи убийства из-за угла – убийство, ставшее добродетелью, священным долгом, работой нелегкой и самоотверженной, делом чести и доблести. [...] Убийство должно было стать

государственным принципом... – и стало» [1. С. 30, 31]. Но для легитимации преступления недостаточно воли одной стороны – государства. Необходимым условием этого является согласие другой стороны – общества; это согласие, полученное не путем референдума или иного публичного волеизъявления, а выраженное более надежным способом – посредством неформальной институционализации социальных техник выживания любой ценой [2. С. 24-26]. Суть этих техник – в оправдании действий и поступков, направляемых инстинктом самосохранения и допускающих возможность и необходимость открыто не декларируемого, молчаливого отказа от норм права и морали, а также религиозных запретов (заповедей). Такой характер отказа делает его знаком отсутствия – указанием на то, от чего отказываются, как на скрытую отрицательную основу негласно разрешенного и дозволяемого обществом.

Что разрешает и что позволяет в этом случае общество, как бы закрывая глаза на происходящее? По существу, здесь разрешается – все. Это разрешение, несмотря на предполагаемую универсальность, включает в себе, тем не менее, принципиальное условие – автономию, точнее – неприкосновенность данного индивида, при соблюдении которой он разрешает, позволяет некоторые действия государства и иных субъектов и закрывает глаза на происходящее. Неважно, что предполагается в качестве гарантии такой автономии – расчет, привычка, надежда или уверенность в собственных силах. Очевидно, что речь идет об игре, где выигрыш одного есть обратная сторона проигрыша другого. Причем, выигрыш не обязательно означает приобретение чего-то. Сохранение статус-кво, той самой автономии-неприкосновенности – по сути, единственный положительный итог игры; игры не против другого (других), а с безличным началом. Для идентификации этой силы в историко-культурном арсенале заимствуется имя – «судьба». Тоталитарные вожди имели особую склонность к его использованию, тем возвышая себя в глазах общества и своих собственных. Но речь здесь идет не о судьбе, ибо нет тех, чьей участью она, судьба, является, ибо здесь нет – героев. Это подобие, суррогат судьбы – ложь, систематическая и всеобъемлющая, возведенная государством в принцип существования. Такая

ложь становится основой, почвой для выживания в мире зла – выживания уже не отдельного индивида, но общества как целого, стянутого воедино паутиной лжи и узаконенного зла. Возможность появления подобного рода социальных систем, самоорганизованных и относительно устойчивых, позволяет по-новому взглянуть на проблему этического, его природы.

Обращаясь к вопросу о природе этического, надо отметить, что в его основе лежит культурный ритуал – исследованный В. Тэрнером лиминальный обряд перемены статуса [3. С. 169-170]. Он раскрывает взаимосвязь «структуры», нарождающейся властной вертикали (на основе социокультурной иерархии «верха» и «низа») и горизонтали – родоплеменной организации, или «*communitas*» как состояния гомогенности, равноправия и «единения». Вырастая из ритуала, этическое представляет собой видоизменение лиминального обряда в социокультурном пространстве Мегамшины – новой социальной организации вертикального типа; ее вершина – абсолютная власть богоподобного царя. «Структура» и «*communitas*» превращаются в «вертикаль» и, соответственно, «горизонталь» иерархического строения Мегамшины; и то, и другое – социально-технические (рациональные) составляющие «бывшего» ритуала, ставшие факторами организации и управления человеческой массой, размещенной в основании социальной пирамиды. Но обретают действенность они только в результате легитимации символическими средствами ритуала: «вертикаль» отождествляется с «жизнью» и получает значение максимальной полноты осуществления власти, а «горизонталь» – со «смертью» и становится выражением безымянности, безличности индивида-массы, его растворенности в коллективном теле подвластных – жертв власти [4. С. 280, 285].

Иными словами, этическое, возникая в процессе секуляризации мифа, его культурных форм и практик, первоначально представляло собой культурный код [5], под воздействием которого складывалась архитектура цивилизации. Этот код был рационально-символическим образованием и включал в себя как уровень принципов, направлявших социально-техническое конструирование общественной организации – системности, универсальности, идеализации, так

и символических форм, определявших безусловный и безличный характер этих принципов, их статус как сакральных (по источнику) норм социальной практики, как должного, как субститута верховной, божественной по своей природе власти. С этой точки зрения цивилизация представляет собой мегасистему, каждая из отдельных систем которой является продуктом конструирования. Это рукотворные системы, основанные на механизмах обратной связи и характеризующиеся свойствами самоорганизации и эквифинальности. Они обладают функциональным сходством с человеком [6. С. 397] и за небольшим исключением действуют на основе целей, заданных извне.

Нормативной матрицей конструирования социальных систем выступает образ человека – принятый в данной культуре идеальный тип, где человек представлен в максимально полном развертывании его способностей и сил, как конечная цель истории. Его сакральный первообразец – богоподобная личность царя-перводвигателя Мегамашины, посредством которого в пределы земного мира транслируется космический порядок [7. С. 230-231]. О более или менее осознанном характере социального конструирования можно говорить, начиная со второй половины XV века. Это время, когда складываются основные характеристики новоевропейского уклада, время решительного перелома не только в социальной области, но и в культуре, где слабые, фрагментарные и разрозненные токи новообразований складываются в единство – занявший место религии откровения гуманизм. Ядро гуманизма – концепция человека, манифестом которой стала «Речь о достоинстве человека» Дж. Пико делла Мирандолы. Центральный тезис «Речи» – положение о безобразности человека, который по воле Творца свободен в выборе воплощений. Диапазон экзистенциального выбора универсален – от ангела до преисподней [8. С. 249].

Опытом применения этой концепции в политике стал Государь Макиавелли; он, в отличие от злодеев по природе, является самосотворенным злодеем, пуская в ход все возможные средства для осуществления своего назначения. «Чудовище универсальности» [9. С. 186], движимое стремлением к

власти, с самого начала получило общекультурное значение и широкое распространение, оформившись в Новое время в виде титанизма – скрытого «нерва» мировоззрения, кульминацией которого стал романтизм и взрослая на его основе наполеономания первой половины XIX века. Важным для нашей темы следствием этого стало признание этического равноправия различных кодов социального поведения, основанных как на идее добра, так и – зла [10. С. 66-67]. Человек-титан стал идеальным образом, матрицей конструирования политических (и не только) систем в новоевропейской истории XVIII-XX веков.

Отличительной чертой этой матрицы является отмеченная Хайдеггером [11. С. 118] эмансипация ее от авторитета Священного Писания и вытекающий отсюда релятивизм исходных оснований этики, допускающий равноправие ее разных (противоположных) версий. Повседневное поведение регулируется нравами – устойчивыми массовыми стереотипами, доставшими от прошлого, освященными его опытом. Вместе с косвенной или прямой атеизацией матрицы происходит вытеснение символических форм (аспектов) конструирования, возрастание роли рационально-технической стороны его содержания. В этих условиях социальные системы получают машинообразный характер, их черта – нейтральное равнодушие, внеположенность человеку. Отсюда – известный «зазор» между требованиями этики и общепринятыми нравами, между социальным (должным) и повседневным поведением человека, между его нормативно заданной «сущностью» и эмпирическим существованием.

Равноправие этических систем как кодов должного социального поведения человека – феномен, порожденный эмансипацией политики, ее атеизацией и имморализацией и сопутствующим этому превращением власти в сверхценность. При этом право выбора соответствующего кода принадлежит не рядовому индивиду, а человеку-титану, вождю. Так возникает государственная этика, носитель которой – олицетворяемое вождем государство; из «холодной» структуры оно превращается в «теплое» сообщество, *Gemeinschaft*, по Тённису. В данной ситуации нравственное, моральное поглощаются обязательствами гражданина к государству [12. С. 258], составляющими суть государственной

этики. Идеально-типическое выражение власти-сверхценности – тоталитарные режимы XX века, в рамках которых сводится к минимуму «зазор» между социальной нормой (этикой) и общепринятыми нравами, на индивидуальном и групповом уровнях исчезает право выбора этической системы. Неизбежная в этих условиях криминализация политики является не только выбором вождя, но рано или поздно принимается обществом как легитимная возможность использовать социальные техники выживания любой ценой, направленные, в том числе, и против государства. По мере политизации всех сторон жизни криминализация выходит за границы политики, обретает массовую почву, укореняясь в структурах повседневности, и становится прочным основанием для конструирования и легального существования этики зла.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лем С. Провокация // С. Лем. Провокация. Всемирная библиотека XXI века. Записки всемогущего.– М.: АСТ; Астрель, 2010. – С. 5-104.
2. Нарский И.С. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917-1922 гг. – М.: РОССПЭН, 2001. – 632 с.
3. Тэрнер В. Символ и ритуал. – М.: Наука, 1983. – 277 с.
4. Канетти Э. Массы и власть. – М.: Астрель, 2012. – 574,[2]с.
5. Полетаева Ю.Г. Науки о культуре - шаг в XXI век. Сборник материалов IX ежегодной конференции-семинара молодых ученых. – Москва, 2008. – С. 132-138.
6. Лем С. Сумма технологий. – М.- СПб.: АСТ; Terra Fantastica, 2004. – 668, [4] с.
7. Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. – М.: Логос, 2001. – 408 с.
8. Пико делла Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека // Эстетика Ренессанса. В 2 т. Т.1. – М.: Искусство, 1981. – С. 248-265.
9. Баткин Л. М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. – М.: Наука, 1989. – 272 с.

10. Скоробогачкий В.В. Анти-Сизиф, или человек в зеркале философии. Екатеринбург: УрАГС, 2008. – 480 с.
11. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Время и бытие. Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 63-176.
12. Шмитт К. Государственная этика и плюралистическое государство // Шмитт К. Государство и политическая форма. – М.: ГУ-ВШЭ, 2010. – С. 237-258.

УДК 17.0

Г. Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ

г. Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ-СПб

ЭТОСЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Работа опирается на ряд разработок автора, А. Кожева, Л. Болтански, Л. Тевено, Э. Кьяпелло. Справедливость предстает как проблема гармонизации этосов конкретных социальных групп – в зависимости от особенностей исторического развития и расстановки сил в данном социуме.

Нормы, справедливость, ценности, этос

G. L. TULCHINSKII

THE ETHOS TYPES IN CONTEMPORARY SOCIETY

This paper is based on a number of works of the author, A. Kozhev, L. Boltanski, L. Teveno, E. Chiapello. Justice is presented as a harmonization problem for the specific ethoses of the concrete social groups in concrete socium – depending on the characteristics of the historical development and the balance of power in this socium.

Ethos, justice, norms, values

Ядром этоса – как системы норм, правил, образцов, запретов, регулирующих поведение людей к рамках конкретного социума, являются представления о справедливости. Если в основе образования обществ, групп